

ОЛЬГА КУЛЬНЕВСКАЯ

Солнечный ручеек

ПРО БАБУШКИНУ ПОСУДУ И ЕЩЁ КОЕ-ЧТО

В старом посудном шкафу у бабушки было много интересного. Серёжа любил рассматривать всё это богатство, стоящее на деревянных полках. Здесь были расписанная голубыми и синими розами сахарница с отколотой ручкой, потускневшие от времени чайные ложечки; увесистая, из зелёного пупырчатого стекла ваза-конфетница на массивной ножке; чашки, оставшиеся без пары; блюдца, оставшиеся без чашек...

— Зачем выкидывать добро? — говорила бабушка. — Пригодится чаю напиться.

И пила чай, помешивая его потускневшей ложечкой, то из одной чашки — приземистой, в красный горох, с еле заметной трещинкой на одной из горошин, то из другой — изящной, в жёлтый цветочек, с небольшим пятнышком-сколом на боку. И никто не знал, что по ночам посуда разговаривает.

Особенно много говорила огромная пузатая глиняная кружка, ярко разрисованная: по её крутым бокам скакала коренастая, в оранжевых яблоках лошадка, которая везла сани, а в них сидели весёлый мужичок с гармошкой и две краснощёкие девицы, такие же весёлые. Кружка основательно располагалась на полке и глядела на всех свысока, уверенно подпершись толстой ручкой.

Чаще всего она выговаривала стоящему рядом бледному высокому стакану:

— Ну, посмотри на себя! Длинный, тонкий, бесцветный, и стоишь-то неуверенно на своём маленьком доньшке... И как только тебя в руках держать? Как из тебя чай пить? И ручки у тебя нет, и картины такой красивой на тебе нет... Дунь на тебя — ты упадёшь и расколешься...

Стакан вздыхал, но молчал. Он понимал, что кружка, в общем-то, права.

...Однажды днём Серёжа увидел, как солнечный луч забрался в шкаф, ярко блеснул чем-то между кружкой и стаканом. Это оказалась посвежевшая чайная ложечка, которую после её старательной чистки положила сюда бабушка.

Серёжа нечаянно задел ложечкой о бочок стакана — и тот тонко, мелодично и протяжно отозвался.

Серёже понравился звук, и он снова тронул ложечкой стакан. И снова услышал его красивое пение. Проверил, поёт ли пузатая кружка, — и ничего не услышал, кроме глухого стука.

На звонкий голос стакана пришла бабушка. Отобрала у внука ложечку, закрыла шкаф, присела на старенький диван и вздохнула. Серёжа устроился рядом, прижался к её тёплой руке и притих, глядя, как солнышко пересыпает золотые искры с одной стенки стакана на другую, отчего простое стекло сверкает, как настоящий алмаз...

...Впрочем, если хотите — после всего сказанного открою вам секрет: и пузатую глиняную кружку кое-кто любит. Серёжин дедушка с удовольствием пьёт из неё горячий чай, зажав толстую ручку большими и крепкими пальцами...

ОСЕННЯЯ ИСТОРИЯ

Однажды утром, когда низкое небо то и дело щедро швыряло огромными пригоршнями колючую октябрьскую крупу на уже покрытую лёгким белым покрывалом землю, ко мне на крыльцо прилетела знакомая ворона и рассказала одну историю...

Не удивляйтесь: с этой вороной мы дружим давно. Ей частенько достаются корочки хлеба и остатки каши от моих завтраков, а за это она рассказывает мне свои истории.

Вот и сегодня, стряхнув снежок с крыльев, она начала...

...Два опавших листка лежали на пустой грядке, грелись в последних лучах осеннего солнышка и разговаривали.

Правда, говорил только кленовый листок — большой, с красивыми жёлто-оранжевыми узорами на своей глянцевой поверхности. А тополиный листок, уже чуть пожухлый, с серо-коричневыми разводами и потемневшим черешком, помалкивал и вздыхал.

— Знаешь, на кого я похож? — горделиво выгнулся кленовый лист. — На звезду! А вот на что похож ты — непонятно!

Тополиный лист не знал, на что он похож, и поэтому промолчал, лишь зябко поёжился.

— И братья мои такие же красивые, как я!

Тополиный лист и на это ничего не ответил, потому что его собеседник говорил чистую правду.

— А посмотри, какие у меня изящные линии прожилок! А какой у меня цвет! Какие оттенки! — продолжал хвастаться тот. — Солнечные! Яркие! А у тебя — не пойми что... — Он презрительно посмотрел на соседа.

Сосед снова промолчал — лишь глубоко и горько вздохнул.

Налетевший порыв ветра слегка задел оба листка, и от тополиного вздоха пахнуло пронзительной осенней печалью.

...Кстати, вы не замечали, что осень в нашем городе пахнет опавшими тополиными листьями? Не кленовыми, не берёзовыми, а именно тополиными! Это у них, опавших, удивительно тонкий, не похожий на других, печальный и волнующий аромат...

...А кленовый лист всё продолжал расхваливать свои достоинства, постоянно сравнивая себя с соседом.

Но тут солнце спряталось за большую сизую тучу, и из неё повалился на землю густой снег. Он падал и падал на опустевший огород, на холодную крышу дома, на кусты и деревья, грустно качающие голыми ветками...

Наутро старая ворона снова прилетела на ту самую грядку.

Подолбила клювом подмёрзшую землю, где под толстым слоем снега лежали опавшие листья, — и не видно было, которые из них красивые, которые — нет. Почистила нос о пучок травы, торчащий рядом, и, покачав мудрой головой, изрекла:

— И зачем надо было хвастаться? Конец-то один для всех...

И полетела ко мне на крыльцо, чтобы рассказать эту историю, а заодно позавтракать гречневой кашей.

Но история меня не огорчила: ведь придёт новая весна, и на всех деревьях распустятся новые листья, и все они, без исключения, будут молодые, свежие и красивые.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Серёжа очень любил играть в разные компьютерные игры, особенно если приходилось сражаться с полчищами монстров из других галактик.

Ух как он стрелял в них, и монстры от метких выстрелов разлетались в клочья и брызги...

«Вот вам! Вот вам!» — азартно шептали сами по себе Серёжины губы, а он даже не замечал этого.

Не замечал он и маминых просьб — сходить в магазин за хлебом или погулять с собакой. Лохматая колли Грэта подходила к Серёже, клала ему на колено лапу, прося внимания, но Серёжа стряхивал Грёткину лапу и продолжал яростно стрелять в компьютерных врагов. В конце концов, обиженная мама сама шла в магазин и брала с собой Грэту.

Нет, конечно, потом Серёже было стыдно перед мамой. Он просил прощения и обещал больше так не увлекаться игрой.

Однажды вечером, когда мама ушла на часок в гости к подруге — тёте Гале, а папа всё ещё был в командировке, Серёжа, как обычно, сидя перед компьютером, путешествовал по звёздным мирам и воевал с разнообразными чудищами.

И вдруг погас свет, а вместе с ним — и монитор компьютера. Такое случалось в Серёжином доме нечасто, а сегодня вот взяло и случилось. В комнате воцарилась темнота.

Синева раннего декабрьского вечера водопадом хлынула через окно с улицы, затопила комнату от пола до потолка, превратилась в плотный сумрак, по углам сгустившийся в непроницаемую черноту.

И — о ужас! — в этой черноте Серёжа вдруг начал различать страшные щупальца тех самых монстров, которых только что расстреливал в компьютере! Щупальца, противно извиваясь, выползали из тьмы и приближались к Серёже!

И из-за дивана, и из-за приоткрытой в кухню двери, и даже из-за компьютера они ползли, чтобы расправиться с тем, кто их только что убивал... И Серёжа, испугавшись, заплакал.

Да, как ни стыдно признаться в этом — ведь мальчишки не пугаются и тем более не плачут, — но обильные слёзы потекли по Серёжиным пылающим щекам, и сам он, ещё недавно казавшийся себе бесстрашным супергероем, съёжился на стуле, стараясь стать как можно меньше и незаметнее...

И вдруг лёгкая тень скользнула из коридора в комнату прямо к Серёже, и он почувствовал на коленке тёплую лапу. Влажный прохладный нос Грэты ткнулся ему в судорожно сжавшийся кулак — Серёжа и не заметил, что отчаянно вцепился в край стула, на котором сидел.

— Грэта! Грэточка! Милая! — Серёжа слетел со стула, бухнулся на колени перед ней и крепко обнял — большую, тёплую, мягкую, такую родную и ласковую! А она лизнула его прямо в лицо — словно горячим мокрым платочком стёрла его слёзы.

Серёжа прижался к ней и уткнулся в пушистую шерсть, ещё пахнущую шампунем (мама вчера купала Грэтку в ванне), и вдруг понял, что ему совсем не страшно. Он радостно гладил Грэту, тискал её, а та стучала хвостом по полу и всё норовила снова лизнуть Серёжино лицо. Монстры исчезли, растаяв бесследно, и в комнате даже стало намного светлее, чем было, и всё стало хорошо видно: и папин диван, и погасший компьютер, и картину на стене, и узоры на оконной занавеске... И Грёткины блестящие глаза, которые она не спускала с Серёжи.

— Грэточка, милая, ты, наверное, хочешь гулять? — спросил Серёжа, улыбаясь.

Грэта, услышав знакомое слово «гулять», вскочила с места и помчалась в прихожую, где возле входной двери на полке лежал её поводок для прогулок.

...Они гуляли долго: вокруг дома по утоптанной дорожке, возле детской площадки с качелями и домиком с нарисованными на стенах ромашками, снова вокруг дома...

А потом пошёл снег. С тёмного неба неспешно сыпались крупные белые хлопья, они красиво кружились и танцевали в фиолетовом воздухе. Грэта ловила их пастью, смешно клацая зубами, весело лаяла на Серёжу. Они по очереди догоняли друг дружку и даже немного повалялись в сугробах...

А потом разом вспыхнули все фонари на улице и окна в домах, и стало совсем светло. И возле своего подъезда Серёжа увидел торопливо идущую маму. Она удивлённо всплеснула руками, заметив Серёжу и Грэту, когда те бросились к ней. Серёжа обнимал маму так, словно давно-давно не видел её. Впрочем, Грэта тоже так радовалась маме и так весело скакала возле неё, словно очень соскучилась.

...Уже в прихожей, раздевшись, Серёжа наклонился к Грэте и шепнул ей в тёплое лохматое ухо:

— Прости меня! Теперь я всегда буду с тобой гулять. Ты согласна?

И Грэта, взглянув Серёже прямо в глаза, вильнула хвостом.

Сказка, которую рассказала бабушка

ЛОШАДКА И ОДУВАНЧИК

Весной в сквере поставили новую карусель.

Карусель была небольшой — всего четыре разноцветные лошадки для маленьких мальчиков и девочек, а сверху — красивый расписной зонт, который тоже вращался, когда лошадки двигались по кругу.

Самой любопытной из лошадок была розовая. Она смотрела на мир нарисованными коричневыми глазами с красивыми ресницами, и мир ей нравился. Нравилась весёлые, шумные дети, которые усаживались лошадкам на спину, нравились нарядные мамы и папы, которые толкали лошадок за бока и радовались вместе со своими мальчиками и девочками.

А за розовой лошадкой бежала лошадка жёлтая. Она всё пыталась догнать розовую, но никак не могла и от этого была немножко сердитой. Но розовая на неё не обижалась: разве можно обижаться на кого-то, если вокруг так хорошо!

С каждым весенним днём солнце улыбалось всё шире, и от его горячей и ласковой улыбки всё зеленело и расцветало. Закуталась в белую душистую шаль черёмуха, что росла недалеко от карусели. Золотыми брызгами, словно десятки маленьких солнышек, рассыпались в зелёной траве одуванчики. Жёлтая лошадка очень хотела познакомиться поближе хотя бы с одним из них, ведь они тоже были жёлтыми, а одинаковые по цвету должны дружить — так она считала.

Но поближе познакомиться пришлось розовой лошадке, когда однажды она остановилась совсем рядом с одним смелым одуванчиком, выросшим возле самой карусели.

— Привет! — обрадовалась она.

— Привет! — покачал тот в ответ золотистой головой.

— Давай дружить! — предложила лошадка.

— Давай, — согласился одуванчик. — А что нужно для этого делать?

— А мы будем встречаться, здороваться, рассказывать друг другу, как прошёл день, утешать друг друга, если кому-то из нас будет грустно...

И они стали дружить.

— Привет! — весело кричала розовая лошадка другу, пробегая мимо.

— Привет! — кивал ей в ответ одуванчик и качал всеми листьями...

А бегущая сзади жёлтая лошадка страшно сердилась и завидовала розовой.

...День за днём шло время. Осыпалась черёмуха, белым снегом опали под ноги прохожим душистые облака яблоневого цвета. Один за другим в сквере гасли, отцветая, одуванчики.

Розовой лошадке и жёлтому одуванчику нравилось дружить. Но однажды утром золотое сияние лошадкиного друга исчезло. Вместо маленького солнышка на стебельке его качался белый пушистый шарик. Лошадка даже растерялась, тем более что на своё привычное «привет!» она услышала еле слышный, неразборчивый шёпот. А ещё сзади до неё донёслось насмешливое хихиканье — это смеялась жёлтая лошадка, которая наконец-то перестала завидовать, потому что сейчас завидовать было нечему, ведь одуванчик перестал быть того же цвета, что и она, жёлтая. А с таким некрасивым разве можно дружить?

Но тут прибежали большие мальчики, раскрутили карусель так сильно, что в глазах лошадок всё замелькало, закружилось, в ушах засвистел ветер...

А когда карусель остановилась, розовая лошадка увидела только притоптанный ногами мальчишек голый стебелёк одуванчика. Лёгкие, невесомые пушинки с его головы разлетелись в разные стороны и исчезли из виду.

— Вот и дружбе конец, — снова захихикала сзади жёлтая лошадка.

А розовая грустно понурила голову. Нет-нет, она готова была дружить и с белым одуванчиком и даже просто с голым его стеблем — ведь это был он, всё тот же её друг! Разве можно отказываться от друга лишь потому, что он изменил цвет или причёску?

— Не грусти, — услышала она знакомый шёпот. Одуванчик слабо шевельнул зелёной ладошкой. — Не грусти, — тихо повторил он. — Придёт новая весна, и я снова расцвету, и всё будет как прежде. Ты просто подожди...

И лошадка улыбнулась ему сквозь слёзы. Конечно же она подождёт! Ведь ждать тоже надо уметь. Настоящие друзья умеют ждать.

У ПЕЧКИ

Серёжа очень любил приезжать в гости к бабушке и дедушке. Это, конечно, понятно, ведь бабушек и дедушек любят все внуки, и Серёжа — не исключение. Но было ещё кое-что, отчего ему так нравилось там гостить.

Дело в том, что в доме у Серёжиной бабушки была печка. Не камин, как в некоторых городских квартирах, а самая настоящая печь, которая топилась дровами. Не огромная, русская, с забавным полукруглым зевом, как в сказочной избушке Бабы Яги, а небольшая аккуратная топка, задняя стена которой выходила в соседнюю комнату. И возле этой печки, когда она дотапливалась, было так здорово сидеть по вечерам рядом с бабушкой (а то и дедушка подсаживался!), глядеть в открытую дверцу на догорающие угли, следить за танцующими язычками пламени и слушать бабушкин голос. Обычно бабушка брала вязанье и, усевшись поудобнее на мягкий стул, а ноги поставив на скамеечку, которую специально для этого смастерил дедушка, начинала рассказывать что-нибудь интересное...

Вот и нынче в январе Серёжа гостит у них, потому что папа с мамой укатили в какое-то зимнее путешествие.

...Дедушка принёс из сарая охапку дров и с грохотом опустил заледенелые поленья на железный лист возле печки. От берёзовых плах вкусно пахло улицей, морозом и арбузной свежестью.

— Деда, я тебе помогу! — Серёжа кинулся к деду, начавшему складывать поленья в печь.

Схватил одно и вскрикнул от боли: в ладонь вонзилась большая заноза.

— Ну что же ты так, — покачал головой дедушка, — и поленья надо брать умеючи.

Бабушка, нацепив на нос очки, осторожно вытащила занозу (Серёжа стойко выдержал операцию!) и щедро намазала

ранку зелёной. Тем временем дедушка уложил поленья, поджёг спичкой кусок бересты и сунул её, пылающую, в щель между плахами. Потом они обедали, а печь топилась, и за закрытой дверцей весело трещало и стреляло. А когда огонь слопал уже несколько охапок дров, когда от нагретых боков печи понесло теплом и дедушка уже перестал подкладывать новые полешки, а только ворошил оранжевые головёшки железной кочергой, пришло волшебное время, которое так любил Серёжа. Можно было открывать дверцу и усаживаться напротив.

Он сам притащил бабушкин стул и скамеечку, а для себя — маленькую табуретку (которую тоже сделал дедушка специально для внука). Бабушка взяла вязанье, устроилась на стуле... Замелькали спицы в её пальцах. А Серёжа зачарованно следил, как по горке раскалённых алых углей перебегают волны слабого пламени. Мечущиеся его языки то и дело окрашивались в голубой цвет. Серёжа знал: пока есть такие голубые огоньки — трубу закрывать рано: можно угореть. Зато пока они горят — можно сидеть у открытой дверцы...

— Как твоя ладошка? — спросила бабушка. — Как и умудрился этакую спицу загнать в руку?

— Спицу? — удивился Серёжа и покосился на сверкающие металлические спицы в бабушкиных пальцах. — Спицы ведь вот, у тебя...

— И у меня, — согласилась бабушка. — А ещё вон, в спичечном коробке...

— Так ведь в нём спички!

— Я и говорю — спицы, — улыбнулась бабушка.

И Серёжа понял, что сейчас услышит что-то интересное.

— Спица — тонкая длинная деревянная палочка, — начала бабушка, не отрываясь от вязанья. — А спичка — это маленькая спица. Ну, вот смотри: синица — большая, синичка — маленькая, так и спица со спичкой. А что моих спиц касается...

Тут бабушка лукаво взглянула на Серёжу и снова склонилась над вязаньем, продолжая говорить:

— Однажды спичка стала спицу дразнить: мол, длинная ты, худая да ещё и металлическая! В общем, некрасивая. «А мы с тобой родня!» — говорит ей спица. «Не может быть!» — возразила спичка. «Может, — рассмеялась спица, — к тому же и делом одним занимаемся». «Мы? Одним делом?» — рассердилась та. «Конечно, мы людей согреваем: ты огонь разводишь, а я тёплые вещи вяжу». «Да ты такая острая, такая колючая, уколешь — мало не покажется!» — закричала спичка. «А ты хоть и маленькая, но большую беду наделать можешь», — строго ответила ей спица.

Тут с дивана подал голос дедушка, читавший газету:

— И долго они спорили?

Бабушка рассмеялась, опустила вязанье на колени:

— Ой, долго!

Дедушка шумно свернул газетные листы:

— Ну и зря, в умелых руках никакой предмет, никакая вещь к беде не приведёт, — и многозначительно посмотрел на Серёжу.

Серёжа смутился и спрятал в карман руку с пятном зелёнки на ладони. А огоньки в печке уже закончили свою пляску, угли потемнели, и только в середине их кучки пробивался, мерцая, алый свет.

— Вот и трубу пора закрывать, а то всё тепло уйдёт, — сказала бабушка.

Сказка, которую рассказала бабушка

ТАЙНА СТАРОГО СУГРОБА

В самом начале зимы на опушке леса под раскидистой берёзой родился сугроб. Конечно, ничего необычного в этом не было, ведь в начале зимы рождается много сугробов — на то и зима. И этот был самым обыкновенным.

Сначала сугроб был маленьким, но с каждым снегопадом прибывал, рос в ширину и высоту.

Ясными морозными утрами он любовался, как малиновый рассвет зажигает на заиндевелых деревьях холодное розовое пламя... Ах, какая красота тогда царила в лесу! Днём сугроб сверкал под зимним солнцем миллионами разноцветных искр, вечером отбрасывал длинную голубую тень, которая к ночи становилась фиолетовой и постепенно сливалась с темнотой. По ночам смотрел на яркие лучистые звёзды и тонкий серпик месяца, от ночи к ночи замечая, как серпик полнеет и в конце концов превращается в большую жёлтую луну. Если же погода менялась — с удовольствием слушал песни метели и даже, бывало, если та бушевала не на шутку, махал своими белыми рукавами соседям.

В общем, сугроб рос и рос. И постоянно помнил о своей тайне. Тайны и секреты, большие или совсем маленькие, есть ведь у каждого, вот и у сугроба была своя тайна.

Мороз, гуляя по лесу и стуча по стволам деревьев, спрашивал его, проходя мимо:

— Ну что, хранишь?

— Храню, — отвечал сугроб.

— Ну, храни, храни! — говорил Мороз и, довольный, шёл дальше.

Метель, пролетая над сугробом и глядя его по широкой спине, тоже спрашивала певуче:

— Ну что-о-о, хра-а-анишь?

— Храню, — отвечал и ей сугроб.

— Ну, храни-и-и, храни-и-и! — пела метель и улетала по своим метельным делам.

Но наступила весна. И сугроб начал стареть — потемнел, съёжился, стал потихоньку оседать, а из-под него побежал маленький ручеёк, который в ясную погоду ослепительно сверкал, отражая солнышко. С каждым днём солнечный ручеёк становился смелее и звонче...

На берёзу каждый день повадилась стайка молодых синичек. Они громко и радостно перекликались, оживлённо перелетая с ветки на ветку, смотрели сверху на осевший сугроб и дразнили его:

— Некрасивый, некрасивый! Уходи, уходи! Зачем ты нужен? От тебя только холодно и сыро! Бр-р-р!

Однажды, когда от сугроба уже почти ничего не осталось, на берёзу прилетела старая ворона. Она слушала, слушала синичьи дразнилки и не выдержала:

— Эх вы, звонки-балаболки, ничегошеньки вы не понимаете! Всё на свете для чего-нибудь нужно! Ну-ка, посмотрите, что там, на месте сугроба?

А среди остатков снега на месте сугроба из земли появились подснежники! Много-много — целая полянка! Они расправили свои белые лепестки и подняли головки к солнышку, просыпаясь от долгого сна — такие нежные и такие красивые!

Всю зиму сугроб, словно толстая тёплая шуба, хранил их от мороза и метели.

И это была его тайна.

СЕРДИТАЯ БУКВА

Как долго тянулась зима! Ну, вот на календаре и март.

...Алёнкина мама смотрит за окно на высокие и словно чисто-чисто вымытые небеса и говорит сама себе:

— Пришёл наконец-то протальник-капельник... — и хорошо так улыбается. Такой мамина улыбка бывает, когда Алёнка чем-нибудь маму порадует.

А та к Алёнке поворачивается и спрашивает весело:

— Дочка, хочешь карамельку? А может, грушу?

Но хитрая Алёнка понимает, почему мама это спрашивает, и отвечает ей в тон:

— Яблоко хочу!

Дело в том, что Алёнка хоть и ходит уже в детский сад, но почему-то не выговаривает букву «р». Ну никак не получается у неё эта сердитая буква.

В том, что буква эта сердитая, Алёнка ничуть не сомневается. «Р-р-р!» — так рычит злая собака. «Р-р-р!» — так грохочет большой грузовик. Даже гром во время летней грозы оглушительно громко выговаривает эту ужасную букву...

Ничего весёлого в ней нет — не нравится она Алёнке...

— Хорошо, съешь яблоко и пойдешь погуляй. Вон какое солнышко на улице! Весна...

...Солнце на улице и на самом деле было ого-го какое! Алёнка даже зажмурилась сначала и потом долго привыкала к его ослепительному сиянию. Сиял всё ещё пока белый снег, сияли лужицы у крыльца, куда с брызгами падали сверху сосулькины слёзки. И сами сосульки сияли в солнечных лучах, как бриллианты. А как искрился маленький ручеёк, который пробил себе дорогу из-под нагретых солнышком досок крыльца! Он, воркуя, убегал куда-то под соседний сугроб и терялся в его глубине — самый первый и самый смелый ручеёк, весёлый и солнечный!

Весь воздух был наполнен светом. Алёнка глубоко вдохнула его и словно сама наполнилась тем же светом. Правда-правда! И от этого её охватила непонятная радость.

Воздух был таким свежим, таким волшебно вкусным, что Алёнка чуть не задохнулась. Она восторженно смотрела на этот сияющий весенний мир и неожиданно почувствовала, что растворяется в нём.

Это просторное синее небо — это она, Алёнка! Это солнечное золото — это тоже она, Алёнка! Она — этот весенний запах, это звонкое воробьиное чириканье, эти радужные брызги капли и яркие блики-звёзды в лужицах у крыльца! И даже этот маленький солнечный ручеёк — тоже она, Алёнка!

Она сделала несколько шагов по влажному снегу и вдруг увидела совсем близко, на заборе, большущую ворону.

Та внимательно следила за Алёнкой, вытянув шею и поблёскивая бусинками глаз.

— Ты чего? — рассмеялась Алёнка. — Что-то хочешь мне сказать?

И ворона очень громко и раскатисто ответила:

— Кар-р-р!

Потом тяжело взмахнула чёрными крыльями, перелетела подальше — на толстый сук старого тополя возле дома и снова гортанно и зычно изрекла, обращаясь к Алёнке:

— Кар-р-р!

И так у неё это вышло весело, так гулко откликнулось в пронизанной солнцем кроне тополя и хрустяще, словно куски сахара по столу, рассыпалось по соседним сугробам, что Алёнкин смеющийся рот сам по себе вдруг приоткрылся, а язык самостоятельно и чётко произнёс, повторив следом:

— Кар-р-р!

Ворона взъерошилась, похлопала крыльями и снялась со своего места. Алёнка, улыбаясь, смотрела, как она улетает куда-то за соседний дом, как скрылась из виду, и уже оттуда, из-за дома, послышалось воронье карканье.

...Дома, едва скинув пальто, Алёнка побежала к маме на кухню:

— Мама, я... р-р... разговаривала с вор-роной! Вот так: кар-р-р! И я хочу гр-рушу! И кар-рамельку!

Весь вечер Алёнка искала дома слова с буквой «р» и старательно их выговаривала: р-ручей, р-радость, р-роза, сахар-р, кр-ресло, кр-ровать, ковёр-р, кр-ружка, кастр-рюля, кар-ртина, кр-расота...

А буква-то, оказывается, вовсе не сердитая. Зря Алёнка так про неё думала.

МЕЧТА БЕЛОЙ ЗАНАВЕСКИ

На одном из окон самого верхнего этажа скромной пятиэтажки на краю небольшого города жила-была занавеска. Да-да, самая обыкновенная занавеска — белая, лёгкая, нежная.

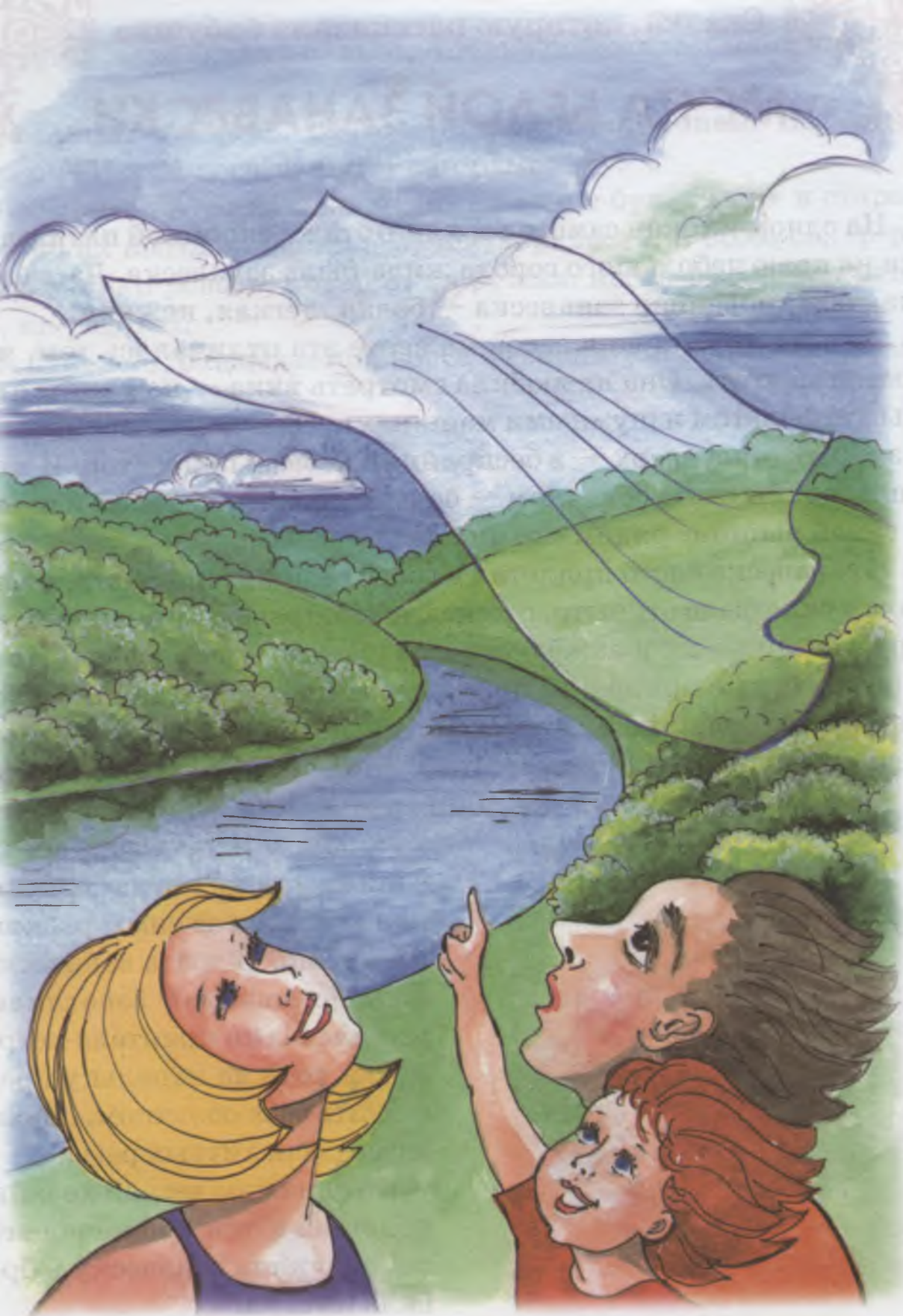
От всех других занавесок на свете эта отличалась тем, что умела мечтать. Она не любила смотреть вниз — на улицы с серым асфальтом и шумными машинами. Она много лет смотрела из своего окна вверх — в бескрайний небесный простор. И мечтала: вот бы стать облачком — белым, лёгким, нежным и плыть в синей вышине рядом с птицами.

К занавеске часто прилетал в гости её приятель ветер, и она, когда окно было открыто, рассказывала, трепеща и волнуясь, ветру о своей мечте и даже пыталась улететь вместе с ним. Но не могла: острые прищепки цепко держали её на металлическом карнизе, а большие и тяжёлые шторы, которые висели рядом, сердито шуршали, что эта мечта — самая настоящая глупость.

Так занавеска жила, мечтая и грустя. Каждый год она с нетерпением ждала тёплых весенних дней, когда хозяйка начинала после зимы раскрывать окно. И тогда занавеска, поддерживаемая заботливыми крыльями приятеля-ветра, могла хоть на капельку представить себя облачком, порхая возле распахнутых рам...

Но однажды весной хозяйка подошла к окну, покачала головой, сняла занавеску и бросила на стул.

А на её место повесила новую штору — красивую, капроновую, с розовыми узорами.

Старую занавеску положили в пакет и куда-то повезли. Потом её стирали в тазике во дворе старого дома, окружённого большими деревьями.

— Пусть-ка она ещё послужит на нашей деревенской даче! — сказала хозяйка и прикрепила выстиранную занавеску прищепками к верёвке, протянутой через двор, — сохнуть. Вокруг было зелено и солнечно, большие малиновые пионы шептались на клумбе, на деревянном покосившемся крыльечке умывался полосатый серый кот.

Старый приятель-ветер уже был тут как тут: он вился вокруг, качал влажные складки занавески, гладил по головам лохматые шапки пионов, играл кончиком кошачьего хвоста, теребил ветви деревьев...

Занавеска была настолько тонкой и лёгкой, что скоро высохла, и хозяйка пришла снимать её. Но едва разомкнулись прищепки, как налетел ветер и выхватил из хозяйкиных рук занавеску. На упругих крыльях приятеля она взмыла над двором, над крышей дома, над кронами деревьев... Ветер поднимал её всё выше и выше в солнечную синеву, где купались в лучах света птицы, а над ними плыли воздушные, сказочно-прекрасные облака.

И занавеска тоже почувствовала себя самым настоящим облачком — пусть и очень небольшим, но таким же лёгким и воздушным. Она летела высоко над землёй и чувствовала себя счастливой, ведь её давняя мечта наконец-то осуществилась.

А внизу маленькие и большие люди удивлённо показывали на неё и кричали:

— Смотрите, смотрите, какое необычное облако!

Её приятель ветер тоже был счастлив: ведь он помог исполниться заветной мечте.

...Что было потом? Не знаю. Придумайте сами, если хотите.

КАК ОБИДЕЛИ ЛУЖУ

После июльской грозы рядом с калиткой у бабушкиного дома появилась лужа. Она сверкала на солнце и отражала синее, словно промытое ливнем, небо. Растущие рядом с забором оранжевые ноготки и белые ромашки стряхивали с листьев и лепестков остатки дождя. От капель поверхность лужи вздрагивала, и отражение солнца от этого дробилось на миллионы ослепительных звёздочек.

Алёнка спустилась по мокрым ступеням крыльца и ахнула от блеска лужи:

— Какая ты красивая! И какая большая — настоящее море!

От таких хороших слов лужа засияла ещё ярче и благодарно плеснула небольшой голубой волной на Алёнкины сапожки.

— погоди, — сказала Алёнка. — Я схожу в магазин за хлебом, и мы с тобой поиграем в море и кораблики.

Лужа с нетерпением ждала Алёнку и представляла себя прекрасным бескрайним морем... Вот бирюзовые волны с белыми барашками пены на гребнях играют с ветром, а над ними, пронзительно крича, мечутся чайки... корабли с упругими парусами несутся по синей глади... у горизонта море сливается с небом — и не понять, где кончается вода и начинается небосвод... А вода — чиста и прозрачна, и в её зелёной глубине плавают множество разноцветных рыбок — больших и маленьких...

Ах, как это сказочно красиво!

И лужа ещё ярче сверкала на солнце.

...Два кораблика Алёнка сделала из щепочек, а третий ей соорудила бабушка — свернула из тетрадного листка лодочку, вставила в неё тростинку, а на тростинку прикрепила флажок из конфетного фантика.

На одном кораблике стоял бесстрашный капитан — самая маленькая матрёшка из большой матрёшкиной семьи, а на второй

кораблик в качестве капитана был водружён розовый пластмассовый зайчик. Кораблики и бумажная лодочка соревновались в скорости, капитаны сурово смотрели вдаль, умело лавировали в волнах, и, если даже терпели бедствие, Алёнка их спасала, и корабли вновь плыли по синим сверкающим волнам...

И лужа чувствовала себя самым настоящим морем, отчего была безмерно счастлива.

Но в конце концов бабушка позвала Алёнку домой. И лужа осталась одна.

Она долго не могла успокоиться от пережитого счастья и своей значительности, вспоминала Алёнкино восхищение, ласково поглаживала следы Алёнкиных сапожек и покачивала оставленные кораблики.

А потом на улицу вышел соседский мальчик.

Он увидел плавающие в луже щепки, на которых скучали капитаны, подошёл поближе, хихикнул и стал бросать в лужу комья земли, стараясь попасть в щепки и потопить их. Он упрямо швырял пригоршню за пригоршней, отчего вода в луже стала мутной и некрасивой.

Серые брызги летели во все стороны — на забор, на траву, на цветы... Кораблики перевернулись, матрёшка и зайчик плавали вверх животами...

— Фу, какая грязь! — сказал мальчик.

И, довольный, ушёл.

Солнце закатилось за лес, что частой гребёнкой темнел за рекой, и на землю опустились фиолетовые сумерки...

Лужа сникла, съёжилась от горя и обиды. Её мутная поверхность дрожала и больше не отражала ничего.

«Ну какое из меня море? — с горечью думала она. — Что я себе придумала? На самом деле я — просто грязь! А грязь разве может нравиться? Разве захочет кто-нибудь со мной, такой некрасивой, дружить?»

И она чувствовала себя самой несчастной на свете...

Скажите, разве это справедливо?

ИСТОРИЯ ПРО ЛУЖУ-ГОРДЯЧКУ

Надо сказать, что моя старая знакомая — та самая ворона, что частенько прилетает ко мне крыльцо позавтракать остатками каши или корочкой хлеба — по своему характеру очень ворчлива. И даже когда рассказывает очередную историю, непременно поворчит, недовольная чьим-нибудь поведением.

Но я не обращаю внимания: пусть ворчит! Всё равно её интересно слушать.

В этот раз она, поклевав корочку, поскакала немного по перилам крыльца, цокая когтями по металлу, встряхнулась и начала свой рассказ...

...Как-то после дождика в один из летних дней на старой загородной дороге появилась маленькая лужица — маленькая, потому что дождик был совсем небольшой. Он кончился, а лужица осталась. Выглянуло солнце, и лужица засверкала, словно зеркальце. И отразила растущую рядом ромашку.

А ночью по дороге снова пробежался длинноногий дождь, и лужица стала лужей. Утром небо очистилось от облаков, и зеркально засверкавшая лужа отразила не только ромашку, но и куст шиповника, цветущего по соседству.

Погода капризничала: после тихого ласкового дня опять пришла ночь с тучами-плаксами, а утром — надо же! — вновь засияло солнышко. И лужа, ставшая за ночь совсем большой, отразила на этот раз не только ромашку и куст шиповника, но и высокую замшелую ель, что хмуρο росла неподалёку, вцепившись корнями в глинистую обочину дороги.

А потом, после бурного ливня, огромная лужа отразила уже не только ромашку, куст шиповника и хмурую ель, но и много-много неба и даже кусочек радуги...

— Я могу отразить весь мир! — решила лужа. И загордилась собой.

Она гордилась, гордилась, гордилась...

А погода изменилась, и дожди кончились — началась жара.

Под обжигающими лучами солнца лужа стала уменьшаться...

И лужа стала уменьшаться. Сначала в ней не смогло поместиться отражение хмурой ели, потом — отражение куста шиповника, цветы которого уже осыпались, а вместо них появились зелёные ягодки... Через несколько дней в ней смогла отразиться только ромашка, которая всё ещё цвела (ромашки, как известно, цветут долго)... А потом в крохотной лужице уже ничего не могло отразиться, а скоро она совсем исчезла — высохла под горячими солнечными лучами...

...Рассказчица-ворона, закончив историю, сердито тряхнула крылом и проворчала:

— Нашла чем гордиться! Что хорошего — не имея своей красоты, отражать чужую!

А я не согласилась. Если рядом с красотой будет кто-то, способный её отразить (только отразить с радостью, без гордыни), то красоты станет куда больше. Разве это плохо?

А как думаете вы?

ПРО БЕЛЫХ СЛОНОВ

В один из жарких июльских дней мама привезла Серёжу к бабушке — «на пару недель погостить».

— Попьёшь козьего молока, позагораешь, покупаешься в речке, отдохнёшь от города, — сказала она Серёже на прощанье, когда они стояли на автобусной остановке на краю бабушкиной деревни.

Обняла Серёжу, села в подкативший автобус, помахала рукой из окошка и уехала.

И хотя Серёжа считал себя уже большим — осенью пойдёт в первый класс! — всё равно немножко загрустил.

И, чтобы развеселиться, достал из кармана плеер, подаренный ему на день рождения. Воткнул в уши маленькие чёрные пуговицы наушников и пошёл к бабушкиному дому, стараясь шагать в такт скороговорке бойко зазвучавшего в ушах рэпа. Таким смешным словом, похожим на хруст капустного кочана под маминым ножом, когда она готовит борщ («ррэп! ррэп! ррэп!..»), называл эту странную музыку большой Витька, который учился уже в третьем классе и жил в соседнем с Серёжей подъезде.

Бабушка собиралась полоть на грядках сорняки. Она поправила косынку, как-то по-особенному посмотрела на заткнутые Серёжины уши.

— Ба, смотри, какой крутой! — похвастался Сережа плеером, перехватив её взгляд, и вытащил из одного уха наушник.

— Неужели? — Бабушкины брови сердито сошлись к переносице.

Серёжа вспомнил, как говорил про своих родителей большой Витька, пренебрежительно махая рукой: «А, предки ничего не понимают в музыке!»

И тоже повторил:

— Ба, ты ничего не понимаешь в музыке!

— А какая это музыка? — подняла бабушка брови. — Да в таком шуме не услышишь и своей души.

Серёжа удивился, выдернул и второй наушник:

— А зачем слушать свою душу?

— Как зачем? — тоже удивилась бабушка, и было видно, что она удивилась очень сильно. — Без души не услышишь и не увидишь ничего...

Повернулась и пошла в огород.

— Но у меня же есть уши, есть глаза! — возразил Серёжа, догоняя её.

Бабушка остановилась возле скамейки под развесистыми кустами малины. Как раз здесь начиналась грядка моркови, запланированная ею для прополки.

— Убери, внучек, свою музыку в карман, посиди тихонько и попробуй услышать свою душу. — Она ласково погладила Серёжу большой, жёсткой от работы ладонью и склонилась над грядкой.

Серёжа сел на нагретую солнцем скамейку, сорвал оказавшуюся возле его уха спелую ягоду малины, сунул в рот. Сладкая! Только крошечные косточки-семечки в зубах застревают.

Послушал стрекотание кузнечиков где-то за малиновыми кустами, полюбовался на маленького фиолетового мотылька, который, развернув узорные крылышки, отдыхал на плоской белой шапке зацветающих флоксов... Втянул носом цветочный аромат и зажмурился, прислушавшись к себе: а вдруг сейчас он услышит свою душу?

Но внутри Серёжи было тихо. Душа молчала.

Тогда он откинулся на спинку скамейки, задрал голову и уставился в небо.

А по небу неторопливо плыли белые пухлые облака. словно снежные слоны с синими животами и серебряными от солнца спинами, они сытым стадом разбрелись в высокой синеве.

Казалось, что воздушные слоны трясут белыми ушами, вскидывают расплывающиеся зыбкие хоботы, важно переступают толстыми ногами, оставляя пушистые следы... И, кажется — нет, правда-правда! — слоны улыбаются! Вот один приветливо помахал Серёже хоботом, второй беззвучно протрубил что-то очень весёлое — наверное, какую-то песенку... Серёжа даже понял, о чём эта песня — о далёкой жаркой Африке, где живут родственники этих белых слонов.

В слоновью песенку звонким ручейком влилась трель какой-то птицы. У самого толстого слона дрогнуло ухо и ещё шире заулыбался рот...

А какое глубокое небо! И какое синее! Серёже показалось, что он медленно и плавно поднимается над землёй, над огородом, над домом — словно кто-то большой и очень сильный взял его в свои ладони и бережно понёс в высоту... И всё вокруг такое ласковое и доброе, спокойное и нежное... Даже мамин голос слабым эхом зазвучал где-то вдали, словно она запела колыбельную для Серёжи. Какое всё вокруг... хорошее! Разве можно кого-то обижать в таком мире? Даже бабочку — нельзя, не говоря про противного чёрного кота из Витькиного подъезда, и совсем уж плохо — дёргать за косу толстую Люську или красивую Маринку из своей группы в садике...

Да вообще-то и ветки на берёзе возле дома зря Серёжа вчера сломил. Росли бы и росли, а он ими постегал забор и потом бросил где-то в пыли...

Серёжа смотрел в бездонное небо, и в груди его что-то росло и расширялось. Даже захотелось подпеть весёлому слону-облаку, который животом уже касался далёкого зелёного угора за бабушкиной деревней...

...Серёжа перевёл взгляд на бабушку, склонившуюся над грядкой. Бабушкин лоб блестел от пота, и дышала она тяжело, устало...

И Серёжу вдруг пронзила боль: ему стало очень-очень жалко бабушку!

Он соскочил со скамейки и подбежал к ней. Присел на корточки рядом, крепко обнял:

— Бабушка, я так тебя люблю! Ты у меня самая-самая лучшая! Иди посиди на скамейке, отдохни, а я буду вместо тебя полоть морковку!

Бабушка выпрямилась, смахнула со лба пот, поглядела на внука сверху вниз. И улыбнулась.

Серёжа тоже улыбнулся и хитро прищурился:

— Посиди и послушай свою душу — тебе понравится...

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЛИСТОК

Однажды весной на одной из веток дерева, растущего под окнами старого дома, родился листок. Листок был очень маленький, нежный, зелёный-зелёный и очень любопытный. Он, как и множество остальных его собратьев, рос, играл с ветром, грелся на солнце, купался под струями дождя.

Частенько, когда ветер баловался или сердился и качал ветви деревьев особенно сильно, листок заглядывал в ближнее окно и видел за стеклом стол с книжками. За столом иногда сидела девочка. Она читала книжки, писала что-то в тетради или рисовала в большом альбоме, макая кисточку в крохотные баночки с разноцветными красками. И листку было видно, что рисовала девочка: из-под её кисточки на бумаге появлялись яркие цветы, бабочки, уютные домики, маленькие принцессы...

«Ах, она настоящий художник!» — с восторгом думал листок.

Вы скажете, что листья на деревьях не умеют думать? Но если они умеют рождаться и расти, если они живые, то почему они не могут думать или что-то чувствовать?

Так вот, листок не только думал. Он даже умел завидовать. Он завидовал разноцветным девочкиным цветам и бабочкам, потому что сам был просто зелёным. И все остальные собратья его тоже были просто зелёными.

А девочка не замечала простой зелёный листок, хотя часто смотрела в окно на это дерево. Из-за этого листок время от времени грустил, особенно если небо затягивало тучами, воздух темнел, и дождевые струи становились холодными и колючими. Но выглядывало солнце и снова наполняло окружающий мир ярким светом. И грусть уходила — таяла без следа под ласковыми солнечными лучами.

Листок любовался сверху на аккуратные газоны, на играющих в песочнице малышей, на спешащих куда-то взрослых людей... Он всё это хорошо видел, потому что ему посчастливилось родиться на самом конце ветки.

Ему нравилось всё, и даже дождь. Было интересно наблюдать, как прямо на глазах на асфальте появляются серебряные лужи, как кипят они под дождевыми струями; а потом, когда вновь выглядывало солнце, лужи начинали сверкать, словно в них были насыпаны целые вороха ослепительных звёзд... И весь мир сверкал — посвежевший и умытый. И листку тоже было приятно каждой жилочкой чувствовать себя посвежевшим и умытым.

На ветку, где он рос, каждый день прилетали какие-нибудь птицы. Чаще всего это были шустрые и шумные воробьи или аккуратные желтогрудые синицы. Иногда на ветке устраивалась пеночка-весничка и, запрокинув головку, без конца повторяла свою простую, но очень милую и звонкую песенку.

А однажды появился соловей. Он долго и красиво пел на разные лады, спрятавшись в густой копне дерева. То щёлкал, то словно разливал в воздухе журчание ручья, то посвистывал, то хрустально булькал своим маленьким горлышком... И даже девочка — листок это видел — заслушалась, выискивая взглядом певца из-за занавески. Но потом пришла строгая девочкина мама и уложила дочку спать.

А на другой день листок услышал, как две вороны недовольно вспоминают вчерашнее соловьиное выступление:

— Р-р-распелся вчера, спать не дал!

— Кар-р-р, пр-рочь его!

А молодой воробей досадливо прочирикал:

— Фи-фи! Как будто мы так не умеем!

«Почему они сердятся? — удивлённо думал листок. — А мне все они нравятся — и соловей, и воробьи, и вороны... Ну да, соловей умеет красиво петь, но зато воробьи вон такие весёлые, а вороны такие умные и находчивые!..»

...Небо всё чаще затягивалось серой пеленой облаков, дожди становились всё холоднее, а солнечные лучи — всё бледнее. Лужи перестали быть серебряными, и ослепительные звёзды в них погасли.

Лето прошло, а девочка так ни разу и не заметила листок, который изо всех сил старался попасть ей на глаза.

...Однажды прохладным солнечным утром листок проснулся в странном настроении. Мир, который он так любил, вдруг показался ему скучным и неинтересным.

Зачем нужен этот мир листку, если девочка даже не смотрит на него — на обыкновенный, зелёный, ничем не примечательный, каких много на дереве.

И он вдруг понял, что его больше ничто не связывает с родным деревом...

Ах, а внизу в это время как раз проходила девочка со своей строгой мамой. Налетел порыв ветра...

Листок вздрогнул, оторвался от ветки и плавно опустился на асфальт прямо перед девочкой.

— Мама, смотри, первый жёлтый листок! Какой необыкновенный! Какой красивый! — успел услышать он её восхищенный голос. А ещё он успел почувствовать тепло маленьких ладошек. И от этого ему стало очень-очень хорошо...

...Листок так и не узнал, что девочка положила его между страницами любимой книжки и каждый раз, когда её перечитывала, доставала листок, подолгу смотрела на него. Брала в руки, подносила к губам — и грустила о лете, о пении соловья, о зелёных листьях...

О, если бы он это знал, то чувствовал бы себя счастливым!
Но главное-то в другом.

Главное в том, что листок всё-таки успел узнать: он — необыкновенный!

АЛЁНКА-ФАНТАЗЁРКА

Первоклассница Алёнка была самой обыкновенной девочкой, но мама и папа почему-то называли её фантазёркой. Но разве Алёнка что-нибудь придумывает? Вовсе нет — просто она видит то, что есть на самом деле...

Ну вот, например, это светящееся, с прозрачными голубыми шторами окно в старом доме очень похоже на аквариум — такой есть дома у подружки Маши: голубой-голубой, вода в нём колыхается, когда золотые рыбки, виляя пышными хвостами, подплывают к самой стенке, за которой, чуть не сплющив нос, наблюдает на ними Алёнка...

Вот и в этом окне штора колыхается, а за ней плавают тени — совсем как рыбки в аквариуме!

Или вон окно в доме напротив — оно зелёное, с пёстрыми цветами, словно летняя полянка! Весёлое!

Ой, а это какое!.. Оранжевое — просто огненное, как будто огонь пылает! И кажется, если приложить ладошку к стеклу — будет горячо...

А ещё Алёнка видит, что все люди на кого-то или на что-то похожи.

По утрам, когда она идёт в школу, то всегда встречает красивую тётеньку, которая ей очень нравится. Потому что эта тётенька похожа на розовый пион.

Почему именно на розовый пион? Ну вот похожа — и всё! Красивая, как пион, и пахнет от неё, когда мимо проходит, как летом от маминых пионов на клумбе...

Алёнка могла бы полюбить эту тётеньку сильно-сильно — за то, что она так похожа на розовый пион! А ещё Алёнка часто встречает дяденьку, похожего на рыбу. Рыбу она видела, когда ездила с папой на рыбалку. И в магазине тоже видела. Но этот дяденька похож на ту рыбу, какую ловит её папа...

Нет, такого дяденьку Алёнка бы полюбить не смогла ни за что! А вон та бабулька похожа на птичку: маленькая, с острым носиком... Хорошая такая птичка с ласковым взглядом... Таковую птичку тоже можно любить.

Ой-ой! Однажды Алёнка увидела дяденьку, похожего на медведя! Она долго на него смотрела, даже обернулась назад, когда он косолапо и тяжело прошёл мимо неё... Но кажется, этот медведь добрый...

Ну разве виновата Алёнка, что все похожи на что-то или на кого-то?

Ходят по улицам люди-звери, люди-птицы, люди-рыбы, а Алёнка это видит, вот и всё.

Только вот почему-то мама с папой и дедушка с бабушкой ни на кого не похожи.

Алёнка часто думала: почему так? Искала сравнения и не находила, хотя очень хотела найти.

...Когда учебный год закончился и начались каникулы, мама сказала Алёнке:

— Ну что, дорогая, поедешь в загородный лагерь вместе с другими ребятами. Ты уже большая, и не будешь сильно скучать. Найдёшь себе новых друзей, станешь самостоятельной... И может быть, поймёшь, на кого мы с папой похожи! — при этих словах мама хитро улыбнулась.

Но оказалось, что Алёнка ещё маленькая. И как ни хотелось признавать этот факт, но пришлось, потому что она ужасно скучала по всем — по маме, папе, бабушке, дедушке. И едва дождалась дня, когда они впервые навестили её в лагере.

...Известие, что к ней приехали, принёс конопатый Серёжка, похожий на рыжего воробья.

— И пока Алёнка мчалась к воротам, возле которых её ждали, сердце было готово выпрыгнуть из груди — так она соскучилась по родным!

— Мама! Папа! Бабулечка! Дедушка! — кричала она, торопливо обнимая всех по очереди.

Она глядела на них во все глаза, смеялась, прыгала и снова обнимала — маму, папу, бабушку, дедушку... Обнимала их, таких родных, таких любимых, ни на кого не похожих, а похожих только на себя!

И тут Алёнка поняла: любят вовсе не за то, что кто-то на кого-то похож. Любят за то, что человек похож сам на себя.

ПЛАТЬЕ С РОМАШКАМИ

Дверца платяного шкафа распахнулась, впустив внутрь сноп солнечного света, наполненный толпой танцующих пылинок.

Свет ослепил старое шёлковое бабушкино платье, висевшее самым первым на деревянных плечиках.

За ним аккуратно и плотно теснилась другая бабушкина одежда — коричневый осенний плащ, зимнее пальто со слегка по-

тёртым пушистым воротником, вязаная кофта... Когда-то платье было праздничным и очень нарядным. Сейчас гладкий шёлк потускнел, тонкий белый поясик чуть пожелтел от времени. Только крохотная брошка под воротом по-прежнему, как и много лет назад, таинственно мерцала, вспыхивая разноцветными искрами.

Платье знавало лучшие времена, когда молодая и счастливая хозяйка шла в нём в кино, в гости или на прогулку со своим мужчиной.

Оно до сих пор помнило прохладное и влажное прикосновение душистых цветов, когда хозяйка прижимала к груди подаренный ей букет.

А а ещё оно помнило заботливые и крепкие объятия всё того же мужчины, полные искренней любви, и радостные, лёгкие детские объятия...

Всё это давно минуло и уже стало забываться в душной тесноте шкафа.

...Платье слегка колыхнулось взволнованно навстречу — хозяйка давным-давно не надевала его, и оно тосковало по прошлой жизни.

Но бабушка лишь ласково коснулась его шершавой ладонью и осторожно сдвинула в сторону, а рядом повесила — на блестящих пластмассовых плечиках, маленьких и изящных — детское летнее платьице.

На нём по зелёному полю весело разбегались наперегонки с божьими коровками белые ромашки.

— Будет Алёнке подарок от меня, когда приедет в гости, — сама себе сказала бабушка и притворила дверцу.

В шкафу вновь наступила темнота, лишь в узкую щёлку проникала солнечная полоска.

Она падала как раз на новое платьице, пересекая зелёное поле и деля пополам несколько ромашек и божьих коровок.

Гость открыл сонные глазки, тоненько чихнул от запаха нафталина, витавшего в шкафу, и спросил заспанным голосом:

— Где я?

От него пахло новой тканью, магазином и даже немного — так показалось старому платью — самыми настоящими ромашками.

— В бабушкином доме, в её шкафу, где она хранит одежду, — улыбнулось старое платье. — Тебя, очевидно, купили в магазине, чтобы подарить девочке Алёнке, бабушкиной внучке.

И грустно вздохнуло.

Новый сосед снова чихнул от дошедшей до него волны нафталина, к которой примешивалась едва уловимая, застарелая нотка духов, и поинтересовался:

— А почему у вас такой грустный голос?

— Потому что моя история кончилась. Меня уже давно не надевают, и приходится висеть здесь без пользы...

— А какая у вас история?

— О, очень большая, — снова вздохнуло шёлковое платье, отчего услышало в ответ очередное тоненькое «апчи!». — У каждой вещи есть своя история.

— Прошу вас, пожалуйста, не вздыхайте! — воскликнуло ромашковое платьице. — Лучше скажите: а у меня тоже есть история?

— Конечно. Твоя история уже началась, ведь ты — будущий подарок.

Пальто, плащ и кофта помалкивали, прислушиваясь к разговору.

Разумеется, у каждого из них тоже была своя история.

Ромашковое платьице качнулось на плечиках, глянуло в щёлку.

Оттуда был виден угол стола с розовой скатертью и солнечными бликами на ней.

— А у стола тоже есть история? — платьице шевельнуло складками.

— И у стола тоже, — ответило бабушкино платье.

— И у скатерти?

— И у скатерти...

— У всех, у всех?

— Конечно.

...А потом приехала Алёнка.

Она звонко целовала бабушку в щёки, смеялась, обнимала и тискала её маленькими ручонками, прижимаясь лицом к старому бабушкиному халату...

Новому платью она очень обрадовалась.

Надев, долго вертелась перед зеркалом, любуясь ромашками и божьими коровками.

Потом взмахнула руками, крутанулась вокруг себя на одной ножке, отчего подол платья вздулся весёлым колокольчиком...

«Ах, как красиво начинается его история, — с улыбкой подумало бабушкино платье, наблюдая за происходящим в щель приоткрытой дверцы. — Пусть она будет долгой и счастливой...»

Впрочем, у детских платьев история не бывает долгой, ведь дети быстро вырастают. А что делают с одеждой, когда она становится мала?..

Хотя, если подумать...

